

The illustration depicts a woman with long, dark, wavy hair, wearing a gold crown and a dark blue, long-sleeved gown with a square neckline and puffed shoulders. She holds a human skull in front of her chest with both hands. The background is a deep purple with gold leaf patterns and small gold dots. The title is written in gold Cyrillic script across the center, and the author's name is at the bottom.

Невеста
Мертвого
Царя

Дарья Туркова

Л. Туркова

Дарья Туркова

Невеста Мертвого Царя

<https://litres.ru/74633912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жребий Госпожи Черных озер пал на Лилит - новую невесту Мертвого Царя, жертву очередной Семилетней Охоты. Подвенечный наряд обречен превратиться в саван, обещая дары Мертвому богу. Путь Лилит к алтарю оборачивается встречей со смертью.

Содержание

Часть 1. Начало

6

Конец ознакомительного фрагмента.

70

Дарья Туркова

Невеста Мертвого Царя

Спряталась луна в тумане -
Семилетний жаждет дани.
Будет резать, будет бить,
И тебе невестой быть.
Прячась в тереме, скучать,
Мужа мертвого встречать,
Жизни соками поить,
Тенью незаметной плыть.
Станешь царскою женой,
Предначертанной луной,
Будешь таять, как свеча,
Ты в объятьях палача.
Госпожа озер и вод
Прокляла небесный свод,
Мертвый царь в молитве строгой
Мертвому послужит богу.
Только бледная луна
С вечностью обручена.
Смотрит на обряд венчальный
Полный лик её печальный.
И лишь тьма луну сокроет,
Месяц вырвется на волю,

Примется покорно ждать,
Чтоб жену царя забрать.
Во дворце средь облаков
Для неё покой готов.
Царь не предается горю
И готовит свадьбу вскоре.
Скорбью полнится луна,
Сон невесты разогнав.
Ищет Мертвый царь жену,
Смерть проклятьем обманув.
Не успел почуять зла —
В сердце смерть к нему вползла.
Нежит, ядом обжигая,
Царь мертвец, но ты живая.

Часть 1. Начало

По черному лесу разлита благостная, чистая тишина. В ней тонет любой звук. Нечаянный шорох и крик жадно вбираются ее бархатным телом. Тишина растет, пожирает, впитывает пространство. Когда лес обволакивает такая тишина, наступает время Охоты.

Как только седьмая луна всплывет на обугленное, вязкое небо, резные ворота царского дворца отпираются, и кавалькада напряженных охотников, молчаливые слуги, гончие едва сдерживающие рычание, выдвигаются в упругую тьму.

В красных глазах лошадей отражается рассеянный лунный свет. Охотничью процессию возглавляет коренастый певчий в черном свободном одеянии, расшитом золотыми нитями. Его лица не видно за опущенным капюшоном, слышно только, как муторное, тягучее пение вырывается из рта. Он ритмично бьет в потертый бубен из воловьей кожи.

Егерь идет чуть в отдалении от певчего и прочих сопровождающих. Его главное дело – держаться ловчего пути, отыскивая незаметные обывательскому глазу приметы: надломанные ветви, неведомые следы, бессильную дрожь воздуха. Крепкий, высокого роста, с ржаво-седой бородой, он сам походит на жестокого лесного зверя, удивительно ловкого и бесшумного для своего телосложения.

В жирной черноте леса прячутся семь покрытых мхом

срубов. В тот самый момент, как охотничья процессия выдвинется с царского двора, их решетки поднимутся, давая заключенным в них жертвам шанс на побег или скорую гибель.

Соляной город подобно гигантскому дремлющему дракону величественно расходился в разные стороны мозаичными кварталами, огибая большую городскую площадь, щетинился невзрачными домами шахтеров, красочными торговыми и питейными заведениями, блестел чешуей крыш аккуратных ремесленных мастерских.

Белыми птицами рвались к облакам стройные храмы, взгляд каждого гостя неизбежно останавливался на украшенном барельефами здании обсерватории и огромной библиотеке. Стоявший в отдалении замок Мертвого Царя величественно возвышался над городом множеством башен, производя, несмотря на внушительный размер, гармоничное, легкое впечатление.

Добыча соли, давшая городу столь незамысловатое название, обеспечила коренных жителей и многочисленных приезжих рабочими местами в соляных шахтах. Город славился не только лишь добычей соли, пригодной для пищи, но и особыми ее видами – для самых разнообразных нужд.

Драконья соль, добытая из костей умерших множество веков назад ящеров, использовалась жрецами для особых магических ритуалов. Розовую соль всегда можно отыскать в

арсенале самой последней лекарки – для облегчения болей, как и ценную голубую снотворную соль; наиболее опасная в добыче огненная соль после обработки применялась в военном деле. На поверхность земли из опасных шахт извлекалось множество ценных руд и минералов.

Богатые промышленники, шахтеры, добывающие соль, ушлые торговцы объединялись в поисках заработка. В городе сложились многочисленные ремесленные школы, общины торговцев и даже разные подозрительные личности, занимающиеся преимущественно незаконными делами, стремились создать очередную Гильдию Воров или основать собственную Гильдию топоров и кинжалов. Конечно, в таких объединениях были определенные риски, да и необходимость соблюдать неписаный свод профессиональных правил время от времени становилась крайне обременительной, все же так было гораздо проще подкупать законников, расширять сферы влияния и уничтожать конкурентов.

Большой городской рынок с раннего утра наполнялся бойкими торговцами, шумными покупателями, запахами свежего хлеба, яркими горами фруктов, остротой пряных трав. Общее оживление изредка нарушало появление Темноликих – избранных царских гвардейцев, исполняющих особые поручения монарха и его первого жреца Далита. Поговаривали, будто в их ряды отбирали детей, не достигших даже трехлетнего возраста, подвергая их впоследствии магическим обрядам и трансформациям в храме Мертвого бога. Выросшие

воины были лишены жалости, тоски, человеческих слабостей и страстей, но их обучение требовало невероятного количества сил и использования очень древней и грязной магии.

Таверны, кабаки и бордели оживали ближе к вечеру, зажигая огни, распространяя густые запахи спиртного, жареной пищи, сладких духов, потных тел, камня, остывающего от тесных объятий солнца.

Странными островками, не подчиняясь времени дня, беспокойному городскому течению жизни, стояли обсерватория, городская библиотека и несколько храмов. При них издавна обучали разным наукам, врачеванию, служению господам и богам. Посвященные удалялись от мирской суеты, вдыхая запах переплетов старинных книг и свитков, благоуханий, лекарственных трав, день за днем постигая тайное искусство.

Утомленный дорогой путник, повеса с карманами, полными легких денег, любопытствующие и скучающие всех сортов, оказавшись ближе к вечеру в Соляном городе, не оставались без развлечений и удовольствий.

В домах утоления, что подороже, зажигались свечи, искрились воздушные стеклянные лампы, распускались бутонами роз и сорной травой первые музыкальные аккорды. Звуки женского смеха, мелодичный звон браслетов на холеных руках, ароматы эфирных масел, вина пробуждали сокровенное и заполняли пространство.

Но и народ победнее не оставался внакладе. Заведения попроще предлагали веселую музыку, дешевые напитки, спутниц не столь изысканных, но вполне способных скрасить досуг.

Таверны распахивали двери в ожидании гостей, наполняясь ароматами жареного мяса, солода, хлеба, шумными разговорами, небрежными мотивами уличных песен, изредка – звуками пьяных драк и выяснения отношений. Уставшие работяги с приятелями заглядывали в ближайшие забегаловки, наслаждаясь кислым яблочным сидром, первыми свободными минутами дня и вечерней прохладой.

Так было на протяжении многих славных десятилетий после Забытой войны.

С началом Охоты Соляной город, казалось, погрузился в дурманное, сонное забытие, жизнь текла подобно песку меж пальцев – бесцельно и быстро. Но теперь дни горожан и жителей окрестностей то и дело омрачали многочисленные неприятности.

Прозрачный летний вечер резко потух, оглушенный случившимся: опустевшие улицы, негромкие озабоченные голоса в питейных заведениях, расплзающаяся вуаль черного дыма с неприятным сладковато-горелым запахом вкрадчиво просачивалась через приоткрытые двери и окна.

В самой большой соляной шахте, устроенной ближе всего к городу, произошло обрушение. Конечно, такое иногда случалось, несмотря на молитвы почитавших Господина су-

ти вещей и соли земли, обряды в честь Госпожи глубинных вод и подземелий. Однако в этот раз что-то пошло не так. Свидетели рассказывали о зеленоватых всполохах и жутком треске, будто злой великан разломил черствую корку земли.

Тела погибших не были обнаружены под завалами, бесследно исчезли. Особо впечатлительные говорили о странных существах, вырвавшихся из-под земли через несколько секунд после взрыва. Похожие то ли на уродливых птиц, то ли на малых драконов, они таяли в небесах, издавая утробные крики.

В светлом зале дворца из белого мрамора Мертвый Царь внимательно выслушал доклад Далита о происшествии.

– Я направил Темноликих исследовать шахту в поисках выживших и отогнать любопытных зевак. Смею предположить, мой повелитель, произошло какое-то особое вмешательство. Слишком силен запах сырой, как кровь, магии.

– Это уже не первый случай. Чего стоили те мерзкие твари на границе города месяц назад, я потерял отряд Темноликих в борьбе с ними, укушенные умирали в страшных муках с расползающейся черной паутиной по телу. А обрушение шахты с голубой солью? А падеж скота и странная лихорадка в Торговом квартале? Отчего все это произошло? Мир как будто встает на путь собственного конца, – Мертвый Царь со злостью смотрел на жреца. Его изрезанное тенями лицо казалось землистым и бледным, горящим от сухого жара.

Жрец на мгновение замер, подбирая уместные для слуха

повелителя слова. Наконец, он ответил:

– Поклонение Мертвому богу, ритуал Семилетней охоты имеют свою цену. Подобно умерщвлению ткани на пораженном человеческом теле пространство от магического вмешательства начинает понемногу истончаться и отмирать. В таких местах нередко появляются существа из других миров, уродливые твари, наделенные магической силой, а люди болеют и умирают.

– Ты хочешь сказать, что причина всех этих бед во мне?! – вопрос Царя порывисто и жестко царапал изнеженный вечерний воздух.

– Нет, я хочу сказать, что приходится платить за любой выбор. Без Вас этот город давно превратился бы в конюшни для кобыл кочевых племен, а на мало-мальски приличные шахты наложили бы лапы алчные правители Червонного города.

– Так сделай же что-то! Принеси жертву, чтобы это остановить! Сотни жертв, мне плевать!

– Вы правы. Есть одно средство. Кровь. Много крови. Нам нужна война. Живая людская кровь и ярость, а самое главное – отданные жизни подлатают и подлечат наш мир. А еще это станет и пищей для некоторых господ и удовлетворит Мертвого бога.

– Война, говоришь, – злость Царя утихла, взгляд стал задумчивым и холодным, как стены сырого погреба. – Я давно оставил это занятие. Но мысль о славных победах прошлого,

признаться, греет мою душу. Я помню напитанный кровью меч, сочащуюся, как свежая рана, землю, мгновения ошеломительного триумфа. Осталось выбрать противника. Созывай совет.

Час спустя в роскошном зале, предназначенном для переговоров и встреч с широким, но часто меняющимся кругом сановников, появилось четверо человек.

Один из них высокий с аккуратной бородкой в темно-зеленом костюме первый прошел и сел за массивный стол из темного дерева, с легкой насмешкой кивнув остальным собравшимся.

Рядом с ним грузно расположился толстяк с красноватым лицом в нелепом одеянии лилового цвета. Желая что-то сказать, он повернулся в сторону подходящей к столу пары: черноволосого кудрявого мужчины с малахитовыми глазами и смеющейся женщины в алом шелковом платье.

– Мариса, судя по вашим нарядам из драконьего шелка казна не испытывает нужды в золоте.

– Ах, мой дорогой, вы верно заметили, наш государь ни в чем не нуждается. И не будет нуждаться, пока я надзираю за монетами в нашем достопочтенном городе, – черные глаза женщины сузились в недоброй усмешке. Она плавно проследовала к своему месту, аккуратно поправляя седой локон, слегка выбившийся из сложной прически.

– Ну что вы, Цирон, так взъелись на нашу дорогую владительницу сокровищ? Лучше расскажите про успехи в ва-

ших делах. Не сомневаюсь, что сегодняшний совет – прямое следствие этого ужасного взрыва, – заключил по-змеиному зеленоглазый спутник Марисы.

Все более распаляясь и жестикулируя, Цирон немедленно вступил в перепалку:

– Не хотите ли сказать, любезный Артас, что я сам взорвал свою же шахту? Болван! Конечно, следить за городской стражей, да нежиться в домах наслаждений много ума не надо. А в моем деле нужно здорово соображать, иначе запросто прогоришь, либо окажешься на вилах у своих же работяг. Это вам не девицы с лентами! Мои только почуют слабость – пиши пропало. Да и хозяева других шахт не против откусить кусок пожирнее, хоть и дали мне право сидеть тут от их имени. А теперь еще и вся эта ваша магическая дурь.

– Магическая? Уверены? – подал голос мужчина в зеленом костюме.

– Да, Фарис, уверен. Вам как лекарю и знатному книгочею это показалось бы интересным. Когда все произошло, – Цирон оправил лиловые складки на груди, намереваясь продолжить, но двери зала распахнулись и вошел командующий царской армией.

– Приветствую всех собравшихся, давно не имел чести вас лицезреть.

– Невелика честь, – бросила с улыбкой Мариса. – А вот мы соскучились по Вашей интригующей персоне, милый Рамир. Командующий окинул ее блеклым, скользящим взглядом

и сел напротив:

– Возможно, мне полагается спросить, чем же вас так интригует моя скромная персона. Но я воздержусь разжигать пламя для ваших сплетен.

Мариса ответила на колкость мягкой улыбкой, когда двери распахнулись и в зал вошел Мертвый Царь.

Присутствующие поднялись с мест, приветствуя сюзерена. Он жестом разрешил сесть. Торопливый слуга следом принялся разливать в кубки янтарное вино.

С присутствием Царя в комнате стало как будто суше и тусклее, его власть расходилась, как круги по воде, размывая волю находящихся рядом.

– Я собрал вас здесь не просто так. События последнего времени показали: наш город в опасности. Тяжелая болотная лихорадка унесла уже столько жизней, сколько не удалось взять кочевым племенам во времена их самых кровавых набегов. Неизвестно откуда появляются свирепые, голодные твари, готовые уничтожить все на своем пути. Теперь эти взрывы. Нас хотят не просто сжить со свету, но и лишить всего ценного, что мы заработали тяжким трудом.

Царь замолчал, окинув тяжелым взглядом совет.

– Позвольте спросить, повелитель, – подал голос Рамир, – получается, все эти страшные происшествия – дело рук одного врага? Кто же это?

– Завидуящие нашему процветанию и благополучию посылают страшные заклятия на Соляной город, так сказал

Мертвый бог. Мы должны положить этому конец, показав врагам свою силу и мощь. Тогда наш мир укрепитя и любое проклятие падет, вернувшись к насылавшему его.

Советники замерли в молчании, не смея бросить друг на друга даже мимолетный взгляд.

– Что скажете, Цирон?

– О, господин, я... Я не смею судить о таком, и всецело полагаюсь на Вашу мудрость и... И ум...и сообразительность, точнее, мудрость, хотя я это уже говорил...

– Цирон, ты как крот зарылся под землей и не видишь дальше своего носа. Рамир, а ты что скажешь? Готов прокалить мечи в хорошей битве?

– Да, Повелитель. Мой меч и моя жизнь – в вашем распоряжении.

– Хорошо. Кого принудим к миру с нами?

– Полагаю, город Погибших королей? Их отряды нередко докучают нам на границах. Мои верные люди передают о смутах, царящих в умах правителей города. Страшная засуха и голодный год обозлили народ. Чтобы усмирить людской гнев и не допустить распрей, они замышляют посадить на престол единственного живого сына последнего из погибших королей, который был любим в народе, и заключить союз с Нефритовым городом посредством брака юного короля. Если это произойдет, боюсь под боком у нас вырастет крепкий и опасный сосед. Они смогут заявить претензии на наши рудники и шахты, которые мы по праву отвоевали у них в

Забывтой войне.

– Неплохо. Что скажете, Артас?

– Моя тайная служба в целом подтверждает сведения Рамира. Однако есть еще кое-что. Мне докладывают о распространении в тех землях гонений на Мертвого бога и его послушников. Говорят, жрецов Мертвого бога безжалостно убивают, разрушают храмы и алтари. Нам стоит вступить за братьев и сестер. Что же до остальных, то мир с ним куда более выгоден, чем война. Город утраченного величия пока что оправдывает свое название. От завоевания кочевых племен нет никакого толка, больше мороки. С Червонным городом у нас процветают торговые отношения. Правительница города Семи садов поставляет прекрасных невольников для пополнения рядов Темноликих, да и организовывать поход в такую даль нет никакого смысла. Нефритовый город достаточно силен, но и обособлен, слишком закрытый и непредсказуемый противник, думаю, пока брачный союз с наследником Погибших королей не состоялся, Нефритовая династия не выступит на их стороне.

Мертвый Царь повернулся к сохранявшему молчание Фарису:

– А что скажет наш ученый муж?

– Повелитель, я могу лишь предоставить лекарей для похода, снабдить войско первоклассными картографами и прочими полезными службами. О делах мира и войны я судить не берусь и всецело полагаюсь на вашу мудрость, – Фарис

сопроводил слова учтивым наклоном головы.

Мертвый Царь смерил хранителя царской печати недо-вольным взглядом, но решил перейти к Марисе.

– Как обстоят дела с казной при свете наших соображе-ний?

– Мой Царь, казна найдет деньги для исполнения задуманного. Червонный банк готов предоставить значительный кредит в обмен на подготовленный отряд Темноликих.

Взгляд правителя слегка потускнел, он как будто перестал замечать испытующих взглядов советников. Небрежно перекатывая золотистое вино в тяжелом кубке, Царь задумчиво обратился к Рамиру:

– В какой срок ты соберешь достаточные для выступления силы?

– За две недели будут готовы наши регулярные войска вместе с Темноликими, за два месяца я наберу и подготовлю рекрутов. Они выступят позднее, если понадобится.

– Хорошо. Консул, подготовьте план наступления, даю вам три дня.

– Как будет угодно.

Мертвый Царь откинулся на спину, обводя взглядом собравшихся и поднимая кубок:

– За победу!

– За победу! – прозвучал нестройный хор управителей.

Так начиналась очередная война.

Несколько месяцев Соляной город и окрестности лихо-

радило от набора солдат, воздух распухал от многочисленных слухов и версий происходящего. В народе говорили о страшном проклятии, наложенном на Соляной город кем-то из жречества города Погибших королей, о попытках юного престолонаследника захватить ценные рудники, о гонениях не только на жрецов Мертвого бога, но и служителей разных великих господ, особо почитаемых местными шахтерами. Сплетни множились и расходились, подобно захватывающей пространство песчаной пустыне.

Поход начинался весьма удачно. Войско, сопровождаемое подмастерьями Далита, быстро продвинулось к границам города Погибших королей, захватив несколько сел и храмов. Но взбунтовавшийся северный ветер нагнал пепельно-дымные тучи, тяжелые от влаги. Затяжные дожди, нехарактерные для середины лета, превратили дороги в вязкое месиво, помешав быстрому продвижению солдат. Разведчики противника сработали на удивление быстро, преимущество неожиданного наступления было упущено.

Жители города Погибших Королей особенно почитали Господина сумеречного и звездного света, чьи жрецы славились мастерством в создании иллюзий, похожих на миражи. Несколько шахтерских отрядов попали в замысловатые ловушки, оказавшись в непроходимых болотах. Служители Мертвого бога пытались противостоять магическим атакам, но достичь победы едва получилась – силы были почти наравне. Подопечные Далита были не в состоянии полноцен-

но противостоять такой изощренной магии и сопровожда-ли армию с другой целью – использовать неизбежных жертв войны, чтобы накормить голодного Мертвого Бога, заделать прорехи, буквально выткав магической пряжей заплатку на теле израненного пространства. Наступление неминуемо захлебнулось, превратившись за пару месяцев в бесцельное, вялотекущее противостояние. Правители города Погибших Королей сдерживали силы армии Мертвого Царя, но вернуть захваченные земли не получалось.

Однако жизнь в Соляном городе постепенно входила в прежнюю колею. Как и предсказывал Далит, очередная эпидемия стихла, обрушения шахт прекратились. Правда, усилилось недовольство оставшихся без кормильцев семей и стремительно беднеющих шахтеров, но страх перед властью Мертвого Царя и Темноликими не оставлял возможности выплеснуться людскому негодованию, и оно тихо тлело подобно торфяному пожару.

Мертвый Царь с досадой и раздражением выслушивал новости о неудачном наступлении, периодически наказывая тех или иных командиров, кого считал особенно непроходимыми тупицами. Но что-то в целом пошло не так, как будто истинная причина происходящего заключалась не в дождях, магических ритуалах и тактических промахах.

Чем больше проходило времени, тем четче и острее выкристаллизовывался рисунок судьбы, прикосновение божественной руки, обнажая сокровенное. Царь думал, что должен

был сам возглавить войско, но ритуал Семилетней Охоты требовал его нахождения в Соляном городе. Превжняя же-на умерла накануне военного похода, требовалось срочно подыскать новую, пока жизнь еще наполняла его уставшее тело.

Лилит сидела, обняв колени и прижавшись спиной к бревенчатой стене. Сердце уже не колотилось как раньше – в момент ее похищения, но в районе солнечного сплетения возникало и гасло волнообразное жгучее ощущение, кровь лихорадочно, толчками бежала по телу. Ее зеленый охотничий костюм уже порядком помялся, пепельная коса растрепалась.

Она смотрела в маленькое решетчатое окно, с ужасом ожидая появления седьмой луны. Взгляд ее серо-голубых, как поверхность подмерзшего озера, глаз был обращен внутрь себя, и она погрузилась в воспоминания.

Ее бабушка часто рассказывала почти стертые из людской памяти старинные предания. Высокая, крепко сбитая знахарка с аккуратно убранными седыми волосами, пахла чаем и медом, излучала тепло. Она лечила, разбиралась в травах и заговорах, нередко к ней приходили люди за советом и помощью, поговаривали, будто она была одной из жен Господина надломленных небес и знала тайные тропы мертвых.

Как-то раз маленькая Лилит ушла далеко от дома, когда, набрав ягод и вдоволь нагулявшись под весеннее пение птиц,

ее настиг громыхающий топот лошадиных копыт. Лилит замерла, ей казалось, из изумрудной глубины леса на нее вынырнет целый табун диких лошадей. На дороге действительно показался конный отряд – черные всадники неслись на встречу маленькой девочке. Лилит вжалась в колючие кусты шиповника. Первый из всадников замедлил лошадь и остановился рядом с ней. Его исполосованное шрамами лицо скривилось в ухмылке:

– Что ты тут забыла, дитя? Может, поедешь с нами?

Остальные всадники замедлили лошадей, остановившись рядом с вожаком. Один из них сказал:

– Бросьте ее, мой господин, она совсем маленькая, нам нужно спешить.

Неожиданно Лилит почувствовала теплое прикосновение бабушкиных рук и услышала ее спокойный голос:

– Поезжайте своей дорогой.

– А, старая ведьма, ну ничего, мы вернемся за твоей внучкой, когда она подрастет, – главный всадник сплюнул в сторону женщины, зло рассмеялся и прищпорил коня, увлекая остальных за собой.

В тот день бабушка рассказала Лилит об отряде Темноликих Мертвого Царя и Семилетней Охоте.

Было время, когда сотворенный богами мир был свеж и юн, податлив к переменам. Семь богов появились из золотистой мякоти света, кожа их переливалась перламутром, волосы рассыпались медью и серебром. Мягкое свечение незем-

ных тел от божественного гнева превращалось в нестерпимо режущий свет, способный ослепить и сжечь дотла.

Других богов породила баюкающая, чернильная ткань ночи, бархатистая и влажная глубина земли. Нефтяная, маслянистая чернота их глаз и волос усыпляла и дарила покой. От гнева семи богов тьмы зарождался и расплзался едкий, пожирающий души страх.

Эфир и энергия наполняли суть богов. Необузданные, яростные, они подчинялись древним законам мира и в то же время устанавливали их. Сырой и юный мир создал их – боги родились из его живота и сердца и заново стали его животом и сердцем.

В них бились потоки силы, пустоты, времени. Неподвластные человеческим слабостям, они в то же время по прихоти случая могли снисходить до молитв людей, но предпочитали почти не вмешиваться в течение земной жизни.

Боги впитывали энергию созидания и разрушения, делясь ею с полубожественными созданиями. Когда мир обрел плоть, наполнился водой, жирной почвой, прозрачным воздухом, боги вылепили своих помощников из самого первоначального материала и вдохнули магию и жизнь.

Увенчанные светом и тьмой господи и госпожи служили богам. Исполняя высшую волю, они повелевали стихиями и природой, незримо присутствовали на земле, изредка являясь людям, одаривая их новыми умениями и редкими талантами, сердясь и наказывая за беспечность и алчность, сея

раздор, водворяя мир, похищая человеческих дев и юношей.

Шло время от рождения мира, люди чтили богов и господ, вели торговлю и войны, создавали и разрушали города, женились, рожали детей и умирали, как это обычно заведено в таких мирах, но однажды на свет появился человеческий мальчик необычайного ума и силы. Он рос, проявляя недюжинные таланты в военном искусстве и страшную жестокость на поле битвы. Так мальчик в скором времени стал мужчиной. Он убивал врагов, не доверял друзьям, брал силой женщин. Его беспокойное сердце стремилось к власти и вскоре он добился ее. Укрепив свой железный трон костями уничтоженных врагов, он стал царем в Соляном городе, но уже жаждал быть богом.

Госпожа черных озер Шелла наблюдала за усеянным трупами путем молодого царя. Его безумие и жестокосердие влекли ее и приятно забавляли. В одну из ночей черноглазая Шелла явилась Царю обнаженная, предрекая злое веселье. Царь владел Шеллой, пил черную воду ее озер. Однажды в спокойной глубине самого древнего озера он нашел сердце своей госпожи – пульсирующий золотым светом камень и выкрал его.

В обмен на украденное Царь выменял у Шеллы ритуал Семилетней охоты для продления скоротечной земной жизни.

По истечении семи лет слуги Царя собирали с жителей страны людскую дань. Семь пленниц доставляли в спрятанные глубоко в лесу срубы. И как только на небе проступала

седьмая луна – железные решетки поднимались, и девушки бросались бежать, чувствуя неминуемое приближение охотников.

Вот уже сто лет ни одной из девушек не удалось укрыться в заповедной тишине леса. Пойманную последней всегда отдавали Царю, которого людская молва уже давно нарекла Мертвым. Став Мертвой Царевной, новая избранница семь лет питала его своей жизнью, быстро превращаясь в старуху в самом сердце Соляного города. Затем наступал черед новой Охоты.

Всякое говорили про судьбу оставшихся шести девушек: то ли они погибали во время самой Охоты, то ли кого-то из выживших отдавали Озерной деве или господам в Небесные Чертоги, но не было ни одной истории о вернувшихся к своей прежней жизни.

Чтобы стать жертвой неуголимой жажды Царя достаточно всего лишь вытянуть жребий – проклятый камень Шеллы. Юные незамужние девушки Соляного города и Раненых земель один раз в семь лет на главных городских площадях выбирали осколки камней. У избранницы Шеллы камень мгновенно становился кроваво-красным, и царские слуги тут же хватали несчастную.

Лилит не знала, было ли это наказание богов или они все были не причастны к столь печальному повороту в ее судьбе, но душа ее растворилась в нахлынувшем ужасе, когда ладонь озарилась ядовитым светом крошечного жребия.

Теперь, сидя в одиночестве, чувствуя онемение от страха и тошнотворную, подступающую к горлу дрожь, Лилит изо всех сил желала перестать существовать. Невыносимое напряжение ожидания разрушил лязг поднимающихся тяжелых решеток, девушка поняла: настало время бежать.

Ночной лес казался враждебным, Лилит старалась услышать хоть малейшие звуки Охоты, чтобы бежать в противоположном направлении, но ей это не удавалось, тишина была жесткой и неприятной, как накрахмаленная ткань. Чувствуя растерянность, колющий солнечное сплетение страх, Лилит сначала осторожно пробиралась между кустов и веток, потом все больше ускоряясь, перешла на бег, иногда она останавливалась и вслушивалась, пытаясь уловить хоть какие-то звуки, но ее со всех сторон обступило молчание.

Лес, где проходила Семилетняя охота, с северо-запада наступал на Раненые земли и его в народе прозвали Червлым из-за всполохов алого по осени. По другую сторону вдоль леса простиралась широкая береговая линия и пенились зеленые воды Жгучего моря. К северу чащу венчали каменистые горные склоны. К югу, постепенно редая, деревья уступали обманчиво приветливым, карамельным степям.

Лес жил своей удивительной, древней жизнью, как сонный, опутанный паутиной волшебства, великан. В черной вязи его ветвей, изумрудной листве, удушливо-глухих уголках пространство порой преломлялось, и возникали крошечные хутора со странными поселенцами, чьи-то одинокие жи-

лица, блуждали тени неизвестных существ. Время свивалось тяжелыми кольцами подобно мудрому полозу, заполняя своим течением полости леса, создавая иллюзии и обманы, переползая от одного дерева к другому то быстро, то медленно, скрывая и обнажая все сущее.

Лилит передвигалась так бесшумно и быстро, как только могла. Казалось, тишина поглощала даже звук ее дыхания, шагов и шелест листьев. Перед ней было исчерченное ветвями пространство, залитое алеющим светом седьмой луны, ни самой узкой тропинки, ни огонька человеческого пристанища – только серо-кровяное месиво линий. Лилит остановилась, прислушиваясь: вдалеке плотно лесного безмолвия разорвалось с аккуратным треском, протяжная ритуальная песня тонкой струйкой разбавила застоявшийся воздух.

Ужас охватил Лилит, сковав на мгновение ее грудь, и, не разбирая дороги, она бросилась бежать. Через несколько минут на ее пути возникло растущее черное пятно, и она услышала треск и глухое рычание. Девушка замерла, тяжело дыша: впереди возвышался огромный медведь.

Его глаза блестели в темноте красными огоньками, в воздухе ощутимо чувствовался резкий, звериный запах. Он угрожающе двинулся в сторону девушки, за спиной которой все громче становились звуки охотничьей процессии.

Загнанная в угол избранница капризной воли Шеллы, повинуясь какому-то неведомому инстинкту, ринулась направо в колючие заросли кустарника – совиные когти. Сзади раз-

дался медвежий рев, и музыка смолкла. Лилит продиралась сквозь сплетенные ветви, не жалея себя, зажмуривая глаза, пытаясь прикрыть лицо, и, не заметив под ногами ствол поваленного дерева, запнулась и скатилась в глубокий, топкий овраг.

Лилит постаралась подобраться ближе к одному из половых спусков и села на подгнившую корягу отдышаться, царапины на теле щипали, болела ушибленная в падении рука. Однако ни охотников, ни медведя не было слышно.

Хотя почва была слишком мягкая и жирная, девушка попыталась взобраться наверх, цепляясь за выступающие корни деревьев. Наконец, ей это удалось. Но было совершенно неясно, куда двигаться дальше: все вокруг окутал плотный туман.

Лилит осторожно двинулась вперед, ожидая встретить сопротивление веток, но ничего подобного не почувствовала. Она уже не знала, сколько времени идет в тумане, когда начала замечать, как он смягчается и его полотно распадается облачками ваты. Оказалось, все это время Лилит шла по широкой тропинке в сторону небольшой заброшенной деревеньки.

Покосившиеся домики, оплавленные сгустками тумана, спокойно розовели в свете луны. Лилит показалось, что в голодных оконных проемах промелькнули огни.

Жрец Дома Мертвого Бога неподвижно сидел в огромном

сводчатом зале перед каменной чашей, наполненной кровью. Вокруг чаши горели жирные свечи, воздух был пыльным и несвежим. Блики многочисленных огоньков нервно ложились на матовую кожу слуги богов, его расширенные зрачки недвижно смотрели вглубь содержимого чаши, как будто пронизывая слой за слоем ее жертвенные алые воды. Со стороны казалось, мужчина почти не дышит. Только легкая вибрация в воздухе вокруг него выдавала неукротимую энергию жизни.

Неожиданно жрец шевельнулся, раскрыл глаза еще шире, потянулся вперед всем телом за янтарной свечой. Он поднял ее над чашей и начал ронять капли воска, которые мгновенно застывали причудливыми кляксами, соприкасаясь с поверхностью крови.

Жрец внимательно изучил узор, бросил в чашу горсть пепла, костяное лезвие, ягоды болотной лилии и закрыл глаза в молитвенном бдении. Когда он очнулся через четверть часа, чаша уже опустела. Свечи догорали, скудно освещая переднюю часть зала: по бокам высились ряды грубых колонн, вдалеке виднелась каменная стена без окон и дверей.

За спиной жреца из стены выступали большие каменные руки. По бокам от них чернели дверные проемы. Над каждым висели воловьи черепа с рогами, в которых горели свечи. Жрец встал и направился в правую дверь.

Несколько десятков лет назад, когда он только приступал к своей службе, его нарекли новым именем – Далит, что

с древнего языка переводилось как «устоявшийся в чистоте». Имя, данное ему матерью, Далит никогда не вспоминал. Жреческое предназначение лишило юношу возможности вступить в брак, иметь детей. Свою жизнь Далит целиком посвятил служению Мертвому Богу и своему венценосному господину.

Жрец уверенно шел по длинному, плохо освещенному лабиринту коридоров. Наконец, он вышел к обитой железом массивной двери, за которой его ждал гость.

Далит поклонился Мертвому Царю, сидевшему в полинявшем зеленом кресле у растопленного очага. Монарх отличался нездоровой худобой, острыми чертами лица, кожа обтягивала выступающие кости и жилистый рельеф мышц, густые волосы с проседью прижимал тяжелый золотой венец из переплетенных ветвей. Однако взгляд Царя пригвождал собеседника к полу, в его разноцветных глазах (один – черный, другой – вылинявший серый) развернулись ненасытные бездны: видевшие все потаенные страхи и боли, питающиеся ими. В хрупкой фигуре сквозила огромная сила, выращенная былыми подвигами и свершениями, вскормленная пролитой кровью.

Царь произнес:

– Говори.

Далит спокойно поднял глаза на владыку:

– Боги начертали невиданные мной прежде знаки: шесть мертвых птиц и вырванное с корнем дерево. Затем мне при-

шло видение, как солнце, раскалившееся до красноты, опустилось в морские воды. Море закипело, вспенилось и выбросило на берег золотую раковину. Когда я поднял раковину, из нее полилась кровь.

– Поясни, что хотели сказать боги.

– Мой повелитель, боги непостоянны и изменчивы, как и их послания. Сегодня началась Семилетняя охота. Шесть девушек будут настигнуты и принесены в жертву, но боги молчат о судьбе седьмой. Знаки вырванного дерева и кипящего моря сулят кровавые перемены. Меня беспокоит седьмая избранница Шеллы, точнее, ее отсутствие среди мертвых птиц. К тому же, Озерная дева не пожелала ответить на мое приношение.

– Эта капризная девка уже сделала все, что от нее нужно. Она явится тогда, когда захочет. В этом и есть вся ее дрянная суть. Ты считаешь, какая-то девчонка может угрожать моей власти? Что это за бредни?

– Это послание богов, повелитель, а не мои слова. Я лишь проводник их воли. Даже если все мое толкование ошибочно, то одно могу сказать точно: эта Охота нарушит привычный порядок вещей. Нужно понять, что за сила заключена в последней избраннице, какое предназначение ей владеет.

Царь прикрыл глаза, уступая усталости:

– Найди седьмую, она должна стать моей женой. Теперь налей мне вина.

Бабушка Лилит, Анита, забрала к себе девочку после смерти родителей. Она с любовью растила внучку, обучала знахарскому ремеслу. Лилит была способной ученицей, ей нравилось собирать травы, запоминать руны, ее не пугал вид крови и увечий.

Незадолго до объявления Охоты Аниту начали мучить дурные сны – она видела, как тени поглощают безмолвно кричащую Лилит. Женщина сразу поняла, грядущая Охота не обойдется без ее девочки. Анита знала, что не сможет спрятать ее от всевидящего ока Госпожи черных озер, неизвестно, что страшнее: участие в Охоте или проклятие разъяренной Госпожи, но и не могла не попытаться спасти Лилит.

Анита ушла тропами мертвых, чтобы попытаться изменить судьбу, остановив проклятие с помощью древней магии. С того дня Лилит ее больше не видела.

Лилит прошла по узкой, заросшей дорожке мимо покосившихся, заброшенных строений. Она вышла к окраине угасшего много лет назад села, где черной глыбой возвышался большой деревянный дом, на вид все еще довольно крепкий. В окнах то и дело вспыхивали огненные отблески.

Девушка оглянулась – темнота, скрывающая неведомые опасности, подступала со всех сторон, усталость и голод вытягивали последние силы. Поддавшись соблазну найти приют хотя бы на одну ночь, она вошла на высокое, чудом сохранившееся крыльцо и постучала в дверь.

Ей не ответили, но как только ее рука коснулась двери, та мягко отошла в сторону, приглашая внутрь. Лилит переступила порог и огляделась: помещение было просторным и почти пустым. Посередине стояла небольшая металлическая жаровня, в которой тлели белесые угли. Прямо за жаровней на стене висело огромное мутное зеркало, как будто затканное плотным туманом. В левом углу комнаты лежала охапка высушенной травы, в которой девушка узнала слезы монахини, рядом стояла глиняная посуда и кадка с водой.

Лилит раздула угли, положила горсть травы в глубокую плошку, залила водой и поставила на жаровню. Она тяжело опустилась на деревянный пол, в оцепенении глядя на закипающую воду, ей даже не хотелось знать в чье жилище она так бесцеремонно вторглась, от мыслей о дальнейшем бегстве начинала нестерпимо болеть голова. Через четверть часа, когда длинные листья слез монахини вместе с отваром стали лиловыми, Лилит сняла плошку. Покосившись на зеркало, она поставила перед ним маленькую чашку с дымящимся отваром, затем налила себе.

Чуть горький, пряный на вкус напиток приятно согревал изнутри и успокаивал. Пружины внутреннего напряжения расслаблялись, высвобождались мысли и эмоции, подавленные единственной целью – выжить.

Боковым зрением девушка уловила движение на поверхности зеркала и взглянула на него. Дымка на его поверхности рассеивалась, обнажая черты женского лица, похожего

на гипсовый слепок. Женщина открыла глаза – сверкнули золотисто-зеленые, как подсвеченная солнцем листва, огни. Лилит замерла в ожидании.

Раздался глубокий голос:

– Зачем ты пришла, дитя?

Лилит, едва совладав со страхом, рассказала свою историю.

– Тебе не уйти от охотников, вытащив жребий, ты дала нерушимый магический обет. Либо ты станешь жертвой Охоты, либо женой Царя. Если попытаешься умереть сама, то Шелла проклянет твою душу, и после смерти ее будут бесконечно терзать страх, одиночество и боль в чреве Мертвого Бога.

– Неужели ничего нельзя сделать? – Лилит пришла в отчаяние. До сих пор ей владела смутная надежда, что она сможет как-то избежать своей участи, скрыться от преследователей, и, наконец, забыть обо всем этом, как о страшном, лихорадочном сне. – И почему я должна вам верить? Кто вы такая?

– Неразумное дитя, я Госпожа отражений, обманных путей и туманов. Имя мне Перруина. Одна из моих возлюбленных дочерей-полукровок, рыжая Мия, стала в свое время женой Царя. Хотя мы обычно не привязываемся к своим смертным детям, случаются исключения, – послышался легкий вздох, Госпожа сделала небольшую паузу. – Она была очень способной девочкой, имела дар понимания Богов, слу-

жила послушницей в моем храме. Но и ее не миновал жребий гадкой Шеллы. Этот сидящий на царском троне упырь сожрал мою девочку за несколько лет.

Перруина замолчала и прикрыла глаза, Лилит первой нарушила тишину.

– Раз вы не смогли спасти свою дочь, мне не на что и надеяться.

– Знаешь, – после минутного молчания во тьме снова вспыхнули изумруды. – Заклинание Семилетней охоты насильно рвет ткань нашего мира, искажает потоки энергии, нарушает древнюю гармонию, это очень грязная магия. Даже расплаты в виде жертвы семи девушек за такое мощное магическое вмешательство недостаточно. Весь этот мрак в конце концов породит уродливые и страшные вещи, мир уже превращается в довольно отвратительное место. То, что ты уже так долго продержалась вдали от погони мне кое-что говорит. Мне нужно понять, что ты такое, прежде чем доверить тебе некоторые свои мысли. Подойди ко мне.

Лилит колебалась, но все же решила рискнуть – терять ей стало нечего. Она приблизилась к зеркалу.

– Ближе. Еще ближе.

Девушка почти касалась зеркального омута. Лицо Перруины исказилось в ужасной гримасе боли, рот разверзся, превращаясь в огромную пасть, и поглотил Лилит. Она не успела отпрянуть, и даже крик не вырвался из ее горла.

Лилит чувствовала себя плывущей в толще ледяной воды,

у нее не получалось пошевелиться или хотя бы открыть глаза, тело не слушалось. В голове зазвучал голос Госпожи отражений, обманных путей и туманов.

– Иди в Небесные Чертоги. Это место отдохновения многих господ и их жрецов. Найди там Господина потерянных ключей и забытого времени Унтаго. Я предупрежу его о твоём приходе. Я покажу тебе путь, чтобы ты могла найти дорогу. В тебе есть неоткрытые еще дары силы и ярости. Тебе предстоит научиться искусству пробуждать эти дары. Ты должна остаться последней выжившей и стать женой Царя. Если огонь, что я вижу в тебе, истинный, ты можешь сжечь его пустое черное сердце. А я вижу в тебе много огня, способного возжечь даже морские воды. Только прошу тебя, не трать его на ярморочные фокусы и прочую дрянь.

Голос замолк и Лилит неожиданно ощутила расслабление всех мышц, легкое покалывание, как будто после жгучего холода погрузилась в горячую ванну. Подобно снам в голове проносились цветные видения прошлого. Девушка открыла глаза и обнаружила себя все также сидящей напротив зеркала. Лик Перруины, подернутый легкой дымкой, виднелся в зеркале, снова слышалась ее тягучая речь:

– Лилит, запомни, чтобы попасть в Чертоги, нужно обмануть тропы мертвых. Пойти тропами мертвых можно откуда угодно, но для этого нужно обладать недюжинным мастерством и опытом. Однако есть места, откуда вступать на такие пути гораздо проще. Одно из таких мест – колодец Черной

звезды. Чтобы добраться туда, тебе следует выйти из леса к побережью моря и, обойдя Червонный город, попасть в разрушенную деревню Семи колоколен, ты сразу ее узнаешь по островам семи разноцветных башен. В центре Черной башни увидишь глубокий занесенный песком колодец. Нужно порезать запястья и окропить колодец. Чтобы мертвые не почуяли в тебе живого запаха, сожги листья дерева чанти, смешай с соком лазурной травы и розовой глиной, покрой этой смесью лицо, как обычно покрывают лица покойников. Когда прольется кровь, скажи на древнем языке: «Тропа мертвецов ведет меня в Небесные Чертоги. Платой отдам кровь живых и сны проходящих.» Твоей природной силы хватит, чтобы открыть тропу. Не сходи с тропы, чтобы ты не увидела, иначе никогда не вернешься на нее и будешь вечно блуждать в сумрачном мире.

Лилит внимательно слушала, стараясь не пропустить ни слова.

– Госпожа, но что со мной будет потом? Как мне найти Унтаго? Что это еще за внутренний огонь, о котором вы говорили?

– Тропа сама приведет тебя. Придет время, и ты узнаешь ответы на остальные вопросы, сейчас тебе это будет во вред. Чтобы выбраться из леса, следуй за черным вороном, он прилетит на рассвете. А теперь ложись спать, пришло и мое время уходить. Прощай, дитя, и помни, несделанный выбор всегда влечет поражение.

– Госпожа Перруина, спасибо.

В изумрудных огнях на секунду как будто появились зрачки, взгляд Госпожи выразил глубокую печаль, и ее лицо окончательно поглотил туман.

Лилит легла поближе к очагу, было неудобно и очень хотелось есть. Но мысль о том, чтобы выйти из дома в непроглядную ритуальную ночь вызывала у нее самый настоящий, животный страх. Она чувствовала, как от солнечного сплетения к горлу поднимается отвратительная тошнота, а мысли болезненно мелькают в уставшем мозгу.

Конечно, Лилит знала о людях, обладающих магическими дарами, ее бабушка была одной из таких, но не думала, что ее собственный дар будет как-то связан с разрушающей силой. Девушку не на шутку обеспокоили слова Перруины об огне внутри нее. Возможно, Анита замечала у внучки некоторые способности, поскольку потихоньку обучала ее тонкостям своего ремесла, но разве дар силы и ярости, о котором сказала Госпожа, как-то сочетается с лекарским делом?

Сложно сказать, становилось ли для избранника богов удачей или проклятием быть обладателем такой силы. Как правило, отмеченные магическими талантами люди уходили в храмы, оставаясь там послушниками и жрецами, или же обучались знахарскому делу, кто-то отдавал предпочтение астрологии, пророчествам, другие – тайным наукам древних заклинаний и языков, некоторые шли по опасной стезе познания темных искусств. К сожалению, бездумное исполь-

зование магической силы нередко разрушало ее владельцев – запросто можно было сойти с ума, подвергнуть душу вечному проклятию или вовсе лишиться какой-то ее части, необузданная магия нередко порождала уродливых и угрожающих жизни людей созданий.

Важнейший закон баланса и гармонии сил предписывал уравнивать магическое вмешательство в ткань мира, например, кровью и энергией чародея. Но сколько боли, разочарования и поломанных судеб стояло за желанием ощутить призрачное могущество.

Лилит размышляла над словами Перруины, задаваясь вопросом: насколько искренне было желание Госпожи ей помочь? Не окажется ли сбежавшая невеста Царя втянута в какую-то неведомую игру? Лилит слышала многочисленные истории о том, как господа обманывали смертных, используя их для своей выгоды или увеселения.

С другой стороны, ей все равно надо было оторваться от царских охотников, даже когда падет эта страшная ночь, придется снова бежать и скрываться от преследователей. В одиночестве она точно не сможет долго скитаться среди зарослей Червленого леса. К тому же, лучше иметь впереди хоть какую-то цель, чем бессмысленно лазить по кустам, норовя угодить в очередной овраг и свернуть шею.

О главной цели своего путешествия – ужасном замужестве, она предпочла вовсе не думать, это возможное событие просто не умещалось в ее сознании, и страх затапливал ее

сердце, как шторм – одинокий корабль.

Жизнь семнадцатилетней внучки местной знахарки должна была сложиться довольно предсказуемо – ее ждало постепенное освоение дела Аниты, паломничество в Раненые земли в общину местных знахарок, четырехлетнее обучение, возвращение в родные места в качестве молодой лекарки, либо замужество и скромная жизнь в роли матери семейства. Врачевателям запрещалось иметь семью, ибо с началом семейной жизни дар угасал. При этом можно было бросить знахарство, пожертвовав предназначением. Вернуться же было гораздо сложнее – способности могли пропасть окончательно.

Лилит не была яркой красавицей, но пепельные волосы оттенка влажных морских камней и серо-голубые глаза цвета слегка пасмурного неба придавали ее образу хрупкость и приятное спокойствие воды. Девушка часто видела яркие, красочные сны, вообще жизнь во сне много для нее значила, ей казалось, что от ее смеха могли рухнуть горы или вспениться реки, в ней открывалось что-то безумное и мощное, но с пробуждением это ощущение уходило, возвращалось привычное восприятие себя и окружающего мира. В остальном, прежняя жизнь Лилит была вполне заурядной, даже казавшаяся ярким переживанием симпатия к кареглазому соседскому юноше теперь сильно потускнела. По-прежнему остро ощущалась лишь тоска по исчезнувшей бабушке. Мелькающие мысли девушки постепенно превратились в

беспокойные сны.

Седьмая луна уступила небесный трон вспухшему, красному солнцу. Его лучи, как рубцы, заалели на нежной небесной коже. Страшная ритуальная ночь завершилась.

Далит явился к Мертвому Царю с рассветом. Повелитель принял его в убранных золотом покоях, облаченный в черные шелковые одежды свободного кроя, ткань их была расшита угольного оттенка блестящими нитями, у ворота и на рукавах инкрустирована опалами в тон. Царь стоял лицом к окну, за которым раскинулись кварталы Соляного города, потревоженные первыми касаниями солнца. В огромной кровати в дальнем углу комнаты жрец заметил чей-то силуэт под одеялом и волосы цвета воронова крыла. Далит пал ниц:

– Повелитель, я получил известия с ястребом от охотников. Шесть девушек успешно пойманы, не достает седьмой. Такого еще никогда не случалось, шаману и ловчему не был открыт ее след, всю ночь они шли ложным путем.

Царь обернулся, его глаза сузились, и скулы выступили еще острее:

– Я бы вздернул этих мерзавцев. Что значит не был открыт ее след? Чем это грозит мне?

– Повелитель, возможно в дело пущена древняя магия, а может, в этой девушке скрыта какая-то сила или кто-то из господ, противников Шеллы, решил вмешаться. Какая бы магия не помогла ей пережить одну ночь, перед магическим

договором с Мертвым Богом она бессильна. У нас нет выбора, пока жива эта девушка ее нужно отыскать, чтобы вы сочетались с ней браком. Ваше могущество и бессмертие все еще пребудут с вами – Седьмая луна угасает долго на протяжении восьми угасаний и воскрешений остальных шести лун. Что будет после, сказать трудно, вероятно Вас начнет одолевать некоторая слабость, но прошу вас не думать об этом, ибо мы разыщем девчонку как можно скорее.

Лицо мертвого правителя вернулось к привычному бесстрастному выражению, он спросил:

– Где она может скрываться и как ты намерен ее отыскать? И что, если она уже мертва?

Далит осмелился взглянуть на Царя и торопливо заговорил с несвойственным ему жаром:

– Она не могла далеко уйти или сама выбраться из чащи, в лесу слишком много опасностей. И если бы она умерла, Боги сказали бы нам об этом, ловчий бы точно нашел ее, мертвых искать всегда проще, у них меняется след. Я прикажу снаряжить новую партию охотников и отправить их за ней. Кроме того, мне нужно провести ритуал поиска, это может занять некоторое время и мне понадобится человеческая жертва.

Глаза царя озарились темным огнем:

– Возьми ее, – он кивнул в сторону силуэта в кровати. – Думаю, она подойдет.

Лилит проснулась разбитой, как будто находясь под впе-

чатлением дурного сна, нехотя поднялась. Очаг давно остыл, комната предстала безжизненной и поблекшей – даже туман в зеркале больше не клубился, а лежал слепыми пятнами, неровными мазками.

Девушка вышла из дома, поеживаясь от влажной утренней прохлады, радуясь хрустальному солнцу. Оглядевшись, она заметила рядом с покосившимся забором яблоню со остатками спелых плодов и поспешила сорвать несколько фруктов.

Ее нехитрый завтрак прервал хриплый вороний возглас: над головой сбежавшей царской невесты кружила внушительных размеров черная птица.

– И долго ты намерена тут прохладиться?

Лилит изумленно уставилась на ворона:

– Ты...разговариваешь?!

– Представь себе. Меня зовут Кхар и мне было велено вывести тебя из леса поближе к Червонному городу. Если ты поторопишься, мы вполне уложимся в три дня пути, – ворон сел на нижнюю ветку яблони.

Лилит с интересом разглядывала нового спутника: он был несколько крупнее своих собратьев, обладал черными перьями с глянцевым отблеском и внушительным клювом, взгляд янтарных глаз казался несколько настороженным и раздраженным одновременно. На одном из крыльев яркой отметиной виднелось белое перо.

Дожевывая яблоко, девушка заметила:

– Я так понимаю, даже мысль об этом путешествии не доставляет тебе ни малейшей радости. Но знаешь, мне вообще-то тоже. Я, конечно, не настаиваю на особых любезностях с твоей стороны, но все же можно и не так враждебно со мной общаться.

Ворон взглянул на нее с некоторым интересом:

– Деточка, мне уже очень много лет, и мое время слишком ценно, чтобы тратить его на подобные вещи, но я не мог отказать уважаемой Госпоже Перруине, так что пошли, чем быстрее я выведу тебя, тем лучше нам обоим.

Лилит предпочла молча согласиться с его последним утверждением, и они отправились в путь.

Свежесть раннего утра растворялась в нагревающемся воздухе. Лес оживал: от его ночной ипостаси почти не осталось и следа – он наполнялся шорохами и треском, листья тихонько шелестели от легких прикосновений ветра, слышалось щебетание птиц, журчание воды в ручьях. И лишь иногда из темной, непролазной чащи доносились стылые запахи и утробные звуки, неподвижно корчились ледяные тени. Правда, долетая до Лилит, эти видения тут же рассеивались, и она мгновенно о них забывала.

Девушка попыталась заговорить с вороном, расспросить его о том, как он научился говорить и понимать человеческую речь, что связывает его с Госпожой отражений, обманных путей и туманов, но упрямый спутник предпочитал делать вид, что не замечает этих вопросов или бросал краткие

ответы, дескать, это не ее ума дело.

С наступлением сумерек Лилит решила устроить привал, не обращая внимание на недовольство Кхара. Они сошли с узкой тропинки к почти незаметному в траве ручью, Лилит устроилась под старой высокой сосной. Она с большим удовольствием стянула обувь, умылась и напилась прохладной воды из ручья. Нестерпимо хотелось есть. Лилит принялась собирать небольшой костер, чтобы поджарить собранные по дороге грибы.

Ворон, нахохлившись, расположился на большом сером валуне, искоса наблюдая за неспешными движениями Лилит. Она набрала сухих веток и принялась растирать немного огненной соли, прихваченной из дома Госпожи Перруины, чтобы добыть искры для костра. Кхар отказался от еды, буркнув что-то неразборчивое.

Лилит попыталась еще раз вызвать его на разговор:

– Как думаешь, здесь безопасно будет заночевать?

– Не более опасно, чем во многих других местах – в этом лесу никогда не знаешь наверняка.

– А кого здесь можно встретить?

– Как правило, не самых дружелюбных тварей.

Лилит зябко повела плечами:

– Моя бабушка говорила, что в этом лесу из теней, мерзлоты и темноты вылепляются новые существа, ткань мира тут особенно тонка и подвижна, поэтому тут бывает так холодно, несмотря на солнце. Когда я бежала ночью от охот-

ников, мне казалось, на деревьях и кустах не было ни одного листочка, только голые жалящие ветки. Так странно. Зато теперь лес выглядит вовсе не так враждебно даже после заката.

Ворон смотрел на нее янтарными бусинами глаз, теперь скорее просто серьезно, нежели с раздражением, как раньше: – Я бы посоветовал начертать знак семи черных богов, тебе не мешает все-таки проснуться утром. Конечно, от твоих охотников это не защитит, но хотя бы разбудит в случае опасности.

Лилит вспомнила, чему учила ее бабушка, произнесла несколько слов на древнем языке в сочетании с короткими, быстрыми жестами, после чего измотанная долгой дорогой придвинулась поближе к костру и уснула. Ее мучили беспокойные сны: лицо бабушки, подернутое туманом, точь-в-точь, как в зеркале Перруины, глубокая, темная вода с очертаниями неизвестных существ, чувство одиночества и тревоги заполняющие до самого дна души.

Лилит проснулась от дрожи: костер давно погас, сквозь ветви деревьев проглядывало бескровное, бледно-розовое рассветное небо. Кхар, нахохлившись, все также сидел на валуне. Наскоро позавтракав, ворон и девушка отправились в дорогу.

Каждый из путников был погружен в свои мысли. Через несколько часов погода испортилась – лес погрузился в предгрозовую мрак, тяжелые тучи заволокли небо, и без того уз-

кая тропинка совсем исчезла. Ворон обратился к спутнице:
– Думаю, лучше переждать непогоду, не нравится мне это. Тут недалеко есть маленькое озеро, а рядом с ним – груда камней наподобие пещеры, там можно укрыться.

Лилит поспешила за своим проводником, и через четверть часа они уже были на месте. Озеро было совсем небольшим с неестественно гладкой, ртутной поверхностью. Послышались утробные раскаты грома, на землю упали первые капли дождя.

– Давным-давно земля в этом месте страшно сотряслась и разломилась, так и появилось это озеро, – сказал Кхар. – Лучше не подходи к воде слишком близко, давай скорее в укрытие.

Путники направились к левому берегу озера, где возвышалась груда камней, в которой и вправду виднелось небольшое углубление. Прислонившись к каменной стене, Лилит повернулась лицом к озеру и наблюдала, как дождь набирает силу, и его капли тревожат казавшуюся натянутой глянцевою поверхность воды. Гром звучал все ближе и страшнее, вспышки молний высвечивали пространство. Лилит показалось, будто в воздухе над озером зависла человеческая фигура, но через мгновение видение исчезло.

Очередной мощный раскат, казалось, готов был расколоть черное вздутое небо, как подгнившую ореховую скорлупу. По воде сверкающими артериями змеилось электричество, скапливаясь в центре большим сверкающим пятном. Девуш-

ке стало по-настоящему жутко:

– Кхар, что за...?!

Ворон растерянно каркнул, следом раздался оглушительный громовой грохот. Из сверкающего пятна в воздух поднялся клубок молний. Лилит в страхе вжалась в камни, не в силах отвести взгляд от происходящего над озером. Электрический шар поднимался все выше, внутри него обозначились черные контуры некоего существа. Раздался яростный крик, молнии заискрились, опасная сфера начала распадаться, обнажая странную, похожую на человеческую, фигуру.

Над водой, опустив голову со спутанными длинными волосами, в трепещущем на ветру белом одеянии парила женщина. Она резко, как будто против воли, вскинула назад голову, обхватила себя руками и пронзительно закричала. Только в ее крике почти не было ничего человеческого, странный гудящий звук исполосовал пространство. Дождь бил женское тело, ветер пытался сорвать мокрое платье, из предплечий начали расползаться электрические заряды, опутывая воздух подобно разлетающимся пушинкам одуванчика.

Лилит с ужасом наблюдала за истерзанной стихией женщиной, наконец, отведя взгляд, она затравленно огляделась, ища возможность незаметно убраться подальше из этого места, но, боясь оказаться замеченной, все таки решила остаться и переждать. Ворон, притаившись, сидел рядом.

Со временем ветер начал затихать, ливень превратился в

обычный дождь, хотя небо по-прежнему было затянуто серо-черной поволокой. Молнии на озерной поверхности постепенно угасали, странный силуэт не шевелился. Лилит прошептала пернатому спутнику:

– Кто это, как думаешь? Ты когда-нибудь слышал о таком?

– Нет. По правде говоря, я редко бываю в этих местах, да и таких существ никогда не встречал. Может, это какая-то неизвестная госпожа? Но она больше похожа на пленницу этого места, чем на его владычицу, – ворон старался говорить так тихо, как только мог.

– Попробуем выйти? Дождь почти прекратился.

– Не думаю, что это хорошая идея. Давай лучше подождем, пока она исчезнет.

Девушка послушно просидела еще полчаса, но все же не выдержала:

– Как хочешь, но я больше не намерена здесь торчать, она даже не кажется живой, пошли попробуем тихонько обойти озеро, тебе-то вообще ничего не стоит его облететь.

И, не дожидаясь возражений Кхара, которые бы непременно последовали, Лилит вышла из укрытия. Она не спускала глаз с неподвижно зависшей в воздухе фигуры, стараясь двигаться как можно более бесшумно, не приближаясь даже к кромке песчаной отмели. Девушка обогнула берег озера с грудками камней, почти подобравшись к лесной тропе, на мгновение отвела взгляд от озера и повернулась к нему спиной в поисках дороги. Неожиданно раздался знакомый

ГОЛОС:

– Лилит, милая! Это же ты?

Лилит обернулась и, не веря своим глазам, воскликнула:

– Бабушка?!

Недалеко от берега, по колено в воде стояла Анита: худощавая, но крепкая, в мокром небесно-голубом платье с растрепанными белыми волосами и пронзительным взглядом синих глаз. Странная женщина, парящая в воздухе, исчезла. Анита пыталась сделать несколько шагов в воде, покачнулась, выставив вперед руки, ловя равновесие:

– Лилит, детка, я, кажется, повредила ногу о корягу, помоги мне, милая.

Лилит стояла, не шелохнувшись:

– Но как? Это была ты? Что происходит? Куда ты вообще пропала?

Лилит рванулась к воде, движимая одновременно недоверием, желанием увидеть поближе бабушку, обнять ее, но в плечо ей впились вороньи когти.

– Не будь дурой, она такая же твоя бабка, как я! Это какая-то редкостная дрянь, не смей заходить в воду!

– Лилит, моя милая девочка, помоги мне, пожалуйста, это правда я! Я все тебе потом расскажу, я ходила тропами мертвых, мне было так больно, я очень замерзла, прошу тебя, малышка, помоги!

Лилит стряхнула с плеча воронью хватку, в смятении она переводила взгляд с ворона на бабушку. Звуки и цвета резко

потускнели, ощущения притупились, детали окружающего мира ускользали от взгляда, все вокруг утратило очертания и теперь напоминало невнятные, размазанные пятна, кроме силуэта Аниты. Лилит смотрела на ее несчастное лицо, мокрые пряди, прилипшие к нему, морщинки-лучики вокруг синих глаз, сознание девушки захватила мысль о том, что необходимо зайти в озеро и помочь бабушке. Она пошла к воде, раздраженно отмахиваясь от навязчивого ворона, захваченная одной единственной мыслью – обнять свою бабушку, помочь ей выбраться на берег.

Ворон бросился к Аните, вцепился когтями в ее волосы и прошипел на древнем языке:

– Обнаружены будут твари в свете дня и сиянии ночи, ибо так велели темные и светлые боги, – добавив несколько неразборчивых слов на древнем языке.

Анита взвизгнула, принялась отбиваться от нападков Кхара, неожиданно ее лицо перекосилось, глаза расширились, потемнели, веки припухли, на коже проступила сетка голубых прожилок, губы превратились в узенькие полосочки, едва прикрывающие тонкие, острые зубки, белые волосы чернели, тело уменьшилось, даже голубое платье вылиняло в невнятное грязно-серое одеяние. Озерная тварь яростно шипела, кидаясь на ворона, который разумно отлетел на безопасное расстояние.

Как только бабушка издала противный, истошный визг, к Лилит снова вернулись звуки, и она овладела своими мысля-

ми, морок спал, девушка остановилось в нескольких шагах от воды.

Существо бросилось к берегу, Лилит вскрикнула, отбежав в сторону.

– Не бойся, она не может покинуть озеро, – крикнул Кхар, подлетая к своей спутнице.

Лилит недоверчиво остановилась, глядя, как нечто, бывшее несколько минут назад ее бабушкой, истошно вопя, упало на четвереньки и истерически барахталось в мелководье.

– Есть! Я хочу есть! – донеслось до них протяжное завывание. Спустя еще некоторое время, существо постепенно начало успокаиваться, недобро скалясь в их сторону.

Царская невеста с удивлением почувствовала что-то похожее на жалость к несчастной пленнице серебряного озера. Не нарушая, однако, безопасного расстояния, она спросила:

– Кто ты такая?

Создание сгребло хорошую порцию ила и с размаха бросило его в сбежавший обед, но промахнулось. Злобно взглянув исподлобья, прошипело:

– Болотная дева.

– Откуда ты взялась? Никогда у нас такой дряни не водилось, – недовольно пробурчал ворон.

– Да я, знаете ли, к вам в гости не напрашивалась. В моих кислотных озерах мне таки тоже неплохо жилось.

– Кислотных озерах? Это еще что за чушь? — удивленно спросил Кхар.

– Сам ты чушь, пернатый. Я вообще-то в вашем мире не так уж давно, чтоб его черви сожрали, лун тридцать как.

– Так откуда ты? Где эти кислотные озера? – вмешалась Лилит.

Болотная дева хитро сощурилась и еще раз запустила в своих собеседников комом грязи, правда опять мимо цели. Потом расстроено опустила голову и проговорила:

– Похоже, мои озера существуют где-то параллельно вашему миру, и в один момент границу меж ними как будто разъело, я сама не поняла как, но очутилась в этой проклятой луже. Выбраться из нее не могу, носатый прав. Еще и бури ваши меня скоро совсем доконают. А жрать как охота! – болотная дева заметно оживилась, говоря о еде. – Иногда заманиваю, конечно, каких зверей, пью кровь, но мало, да и невкусно. Один раз человечешко ко мне попал, я прикинулась его покойной женой, он полез ко мне, я его и того, – болотная жительница довольно ослабилась, но тут же вновь загрустила. – А вообще, хочу вернуться в свои родные озера. Они такие розовые, кипящие, и там много жирной пищи, не то, что здесь, и меня там ждут сестры.

Лилит не знала, что сказать, она в недоумении переглядывалась с Кхаром, тот явно пребывал под впечатлением от услышанного.

– Звучит невероятно, если честно – сказала девушка. – Вообще мы направляемся в одно место, где мне предстоит встретиться с кем-то вроде слуг богов нашего мира, так что

я могу попытаться узнать, можно ли тебе помочь.

– Вообще-то, дорогуша, не мы направляемся, а ты, – резко добавил Кхар. – Я вывожу тебя из этого леса, будь он проклят, и мы прощаемся. Не надо втягивать меня в свои авантюры.

– Но как я найду потом это озеро? Мне понадобится твоя помощь на обратном пути. Хотя бы в качестве проводника, ну пожалуйста, Кхар.

Озерная пленница смотрела на спорящую парочку тяжелым немигающим взглядом, недоверчиво и серьезно.

Кхар выглядел взъерошенным и недовольным, но спустя какое-то время нескончаемых уговоров сдался:

– Если ты вообще вернешься живая, в чем я лично сильно сомневаюсь, и сумеешь меня найти, я покажу тебе дорогу. И вообще, хватит терять попусту время. Нам давно пора.

– Зачем тебе это? – неожиданно подала голос обитательница болот, глядя на девушку.

Та, в свою очередь, смущенно отвернулась:

– Я не знаю, чувство какое-то странное, как будто это все неправильно и мне кажется, я знаю, почему. Но Кхар прав, нам надо спешить.

– Валите, – почти добродушно хмыкнула болотная дева. – Будь здоров, носатый.

Она повернулась к ним спиной и медленно опустилась под воду, как будто сползая по невидимой стене.

Кхар и Лилит направились сквозь заросли по знакомой

узкой тропинке. Чувствовалось наступление вечера, льющегося неразбавленным голубым с мраморными прожилками синего. Воздух казался особенно хрупким и приятно холодным. Перед глазами Лилит вставал образ болотной девы, ее по-детски бессердечные слова и минуты пережитого страха. Она хотела было задать своему спутнику несколько тревожащих ее вопросов, но неожиданно услышала посторонний звук: нарастающий шелест.

Лилит поежилась: воздух застывал и легонько звенел тонким стеклянным кружевом. Она окликнула впереди летящего ворона:

– Кхар, ты ничего не видишь? Мне кажется, я слышу что-то странное.

Ворон развернулся и направился в сторону Лилит, немного набирая высоту, но неожиданно резко спикировал к ее плечу:

– Скорее обратно к озеру! Дальше на тропе какие-то всадники.

Лилит спешно двинулась в сторону обиталища болотной девы, ворон низко летел рядом.

– Всадники в лесу? На лошадях же невозможно пробираться через эти дебри! Что им здесь понадобилось?

– Потихе, – прошипел ворон. – О, черные боги, я так и знал...

Кхар не успел закончить фразу, как их настиг топот лошадиных копыт, ломающих ветки. Лилит бежала вперед,

не разбирая дороги, в висках бешено стучала кровь, из-за опутавшего ее страха дыхание сделалось тяжелым, прерывистым. Оглядываясь назад, она заметила мелькающие бесформенные фигуры. Даже нескольких секунд хватило, чтобы уловить странность в движениях преследователей: они слишком неотвратно шли за своими жертвами, невзирая ни на какие препятствия, не замечая веток, камней, узость тропы. Расстояние между всадниками и Лилит неумолимо сокращалось.

Лилит оказалась у кромки озера, затравленно озираясь вокруг, ворон сел ей на плечо. Водоем окружали высокие каменистые завалы, слева скрывалась их пещера, ставшая укрытием на время грозы, бежать дальше не было смысла – пробраться по гладким, высоким камням в сторону леса не было шансов, озеро стало прекрасной западней. Лошади остановились в паре метров от девушки, Лилит сделалось не по себе от их неестественного вида: красные глаза, черно-дымные шкуры, они как будто были лишены четких линий, и их тела готовы в любой момент растечься смоляным туманом. Пятеро всадников были полностью экипированы легкими матовыми доспехами, за плечами у них развивались плащи, на поясе поблескивали мечи. Верхняя часть лиц преследователей была закрыта черными, глухими повязками. Один из них имел знак отличия от товарищей – его шлем украшали многочисленные острые шипы, полоса на месте глаз была золотой, всадник заговорил низким, глухим

ГОЛОСОМ:

– Мы Темноликие, охотники его Величества, ты последняя из избранных, его невеста, Царь жаждет встречи с тобой. Ты заключила магический договор, и не можешь отказаться следовать за нами, если попробуешь причинить себе вред, твоя душа будет истерзана до конца будущих времен и после них, тело твое отдадут на поругание самым гадким чудовищам, и твоя семья будет предана смерти. Если не пойдешь добровольно, доставим тебя силой. А что это еще за птица рядом с тобой? Пристрелите, – всадник обратился к одному из своих спутников.

Ворон, больно вцепившись в плечо Лилит, сильно толкнул девушку и взмыл ввысь, Лилит, застигнутая врасплох, потеряла равновесие и упала в озеро, подняв тучу брызг. Она судорожно вздохнула, не делая попыток встать, вцепилась пальцами в жирное илистое дно, в страхе всматриваясь в безглазые лица. Один из всадников поспешно пустил несколько болтов из арбалета в наглую птицу, но промахнулся, другой сделал пару неудачных попыток из лука, ворон кружил, выпуская тревожные крики.

Всадник с золотой повязкой хотел что-то сказать, разомкнув тонкие губы, но вода в озере неожиданно пошла рябью и забурлила, окрашиваясь в грязно-алый цвет рубленого мяса.

Лилит слышала за спиной голос, похожий на вой. Грудные хрипы перемежались с раздрающе печальной песней

без слов, острые, тонкие, вспарывающие звуки переходили в заволакивающий шелест и рык. Лилит медленно обернулась: в центре озера возвышалась необычайно высокая черная фигура старухи, на морщинистом лице как будто никогда не было глаз – гладкая кожа без намека на глазницы, седые волосы развевались грязными крыльями, огромные ладони тянулись к стоявшим на берегу.

Лилит взглянула на всадников и ужаснулась: по их впалым щекам текло что-то похожее на кровавые слезы, всадники молча вошли в озеро один за другим под страшную, поминальную песню. Девушка смотрела, как они погружаются все глубже и глубже под воду, руки старухи сомкнулись на шее первого приблизившегося к ней, она подтянула его к своему лицу и, казалось, начала целовать, но красные струи еще обильнее потекли по шее обмякшего Темноликого.

Над ухом у Лилит прошипел ворон:

– Живей! Убираемся отсюда, только тихо!

Девушка, стараясь не создавать всплесков, тихонько выбралась из озера и быстро скрылась в лесу. В висках у нее стучала кровь, то и дело накатывала тошнота, грудь содрогалась от дрожи. Мокрая, в пятнах от ила она бежала вперед, не разбирая дороги, как в тумане, слыша издали крики вора.

Несколько раз она падала, споткнувшись, земля и листья прилипали к влажной одежде и коже. Наконец, рухнув от бессилия и усталости, попытавшись привстать, Лилит броси-

ла взгляд на свои грязные руки и, как будто впервые их увидев, замерла на несколько мгновений. Судорога исказила ее лицо, как первые молнии расчерчивают весеннее небо. Она зарыдала, неожиданно подбираясь к осознанию всего ужаса ее положения. Лилит плакала от ненависти и страха, распираемая одиночеством и чувством потери.

Она почувствовала легкое прикосновение к спине и повернула голову, оказалось, ворон неловко гладил ее крылом. От этого девушке стало на мгновение еще хуже, жалость к себе сделалась острее и невыносимее. Постепенно слезы уходили, и она смирялась с жуткой реальностью. Ворон тихо сказал:

– Пошли, надо устроить привал, давай сойдем с тропы, она все равно скоро закончится, неподалеку я нашел небольшой ручей и целые заросли сладких ягод.

Лилит молча поднялась и последовала за своим спутником.

Далит шел по улицам, вымощенным белым камнем, неся в левой руке черный холщевый мешок. Его лицо приятно овеивал прохладный ветер, перепархивая с губ и ресниц на четко очерченные скулы. Служение Мертвому богу принесло Далиту ранее недоступную магическую силу и власть, но постепенно вытянуло из него почти все человеческое, сердечное, мягкое. Став слепым к простым радостям и нехитрым бедам людских душ, он узрел глубинные тайны вселен-

ной, отношений Богов и Господ. Аскеза все сильнее его развращала и отодвигала границы дозволенного, возрастающая сила пьянила и все больше стачивала внутренний голос, превращая Далита в сосуд и инструмент Царской воли.

Далит поправил стягивающий голову золотой обруч с маленькой цепочкой посередине, натянул капюшон расшитого золотом алого плаща почти до глаз – сейчас ему было нужно, чтобы его узнали, но он не хотел ощущать пристальные взгляды людей на себе.

Жрец пересек широкую дорогу, ведущую к рынку, и быстро свернул в незаметную арку между домами. Три четверти часа он шел по узким улочкам, прохожие почтительно сторонились, стараясь не смотреть на него.

Наконец, его путь окончился: Далит остановился перед низким кирпичным домом, огороженным крепким забором из речных камней разного цвета: от бурых и темно-зеленых до грязно бордовых и почти черных.

Жрец проскользнул сначала во двор через незапертую калитку, а затем – также быстро в дом. Он оказался в темной и душной комнате: окна завешаны каким-то тряпьем, вдоль стен расположились стол и пара лавок грубой работы, часть помещения отделяла застиранная занавеска невнятного цвета.

– Микел! Выходи, это я.

За тканью послышалась возня и шуршание, заскрипел пол. Из тонкой раны серых полотен показался уставший ста-

рик с холодными, как талая вода, глазами. Он с безразличием оглядел Далита, выдержав паузу, спросил:

– Что тебе нужно?

– Твое искусство. Я хорошо заплачу, ты же знаешь.

– Такой ублюдок как ты нуждается в моем искусстве?

Неужели? – старик зло ухмыльнулся.

– Микел, я извиняю твою грубость, поскольку уважаю твои достижения и сам питаюсь их плодами. Но предупреждаю тебя, несмотря на возраст и твои заслуги не смей больше разговаривать со мной в подобном тоне. Перейдем сразу к делу. Мне нужна маска. Из голубого оданита, черного мрамора и окуренная плодами золотых лиственниц.

– Я больше этим не занимаюсь.

– Микел, я не собираюсь тебя уговаривать. Из вежливости мои слова звучали поначалу как предложение, но, если ты не понял, это приказ. Напомни, пожалуйста, кто живет в лачуге рядом с храмом Небесных чертогов?

Старик побледнел.

– Откуда ты знаешь?

– Микел, мой Бог любит людей, особенно мертвых. И я вынужден периодически выполнять это его желание. Ну так что, когда моя маска будет готова?

Когда дверь за жрецом закрылась старик бессильно опустился на лавку, закрыв лицо ладонями. Его грубые руки прекрасно помнили жуткое ремесло, и даже закрыв глаза, на ощупь, мастер легко чувствовал, как пальцы скользили по

воображаемым выступам и впадинкам бесценного мрамора или прохладного кварца, предугадывая момент, знали, где приложить силу или едва скользнуть инструментом. Старик помнил податливость зеленой глины, кислый запах розовой, как собирал и сушил алые бутоны пустоцвета, жемчужные головки болотных лилий, чтобы потом аккуратно вмешать их в еще мягкую массу прямо перед тем, как начать лепить очередное лицо.

Люди его призвания не объединялись в кланы или гильдии, наоборот, предпочитали жить в одиночестве, позволяя себе разве что взять способного ученика, как будто начинающие их знания в какой-то момент сами подталкивали к тому, чтобы не стать утерянными или забытыми.

Таких, как этот старик, называли мастерами по лицам. Их главное умение заключалось в способности изготавливать магические маски разного предназначения. Одним из самых страшных проявлений ремесла были слепки с лиц мертвецов, заговоренные, усиленные особым сочетанием камней, материалов, трав и цветов, соли и дыма. Не всякий мастер по лицам брался за подобные заказы, и дело было не только в нежелании связываться с опасной магией такого рода, но и в редкости необходимого таланта.

Старик подошел к мешку, оставленному жрецом у порога, и резким движением вынул из него человеческую голову.

Последующие два дня пути прошли спокойно. Несмот-

ря на сковывающую мышцы усталость, густые до приторной сладости вечерние сумерки, Лилит погрузилась в собственные мысли, насколько это было возможно, чтобы не сбиться с петляющей тропинки и не упасть, споткнувшись об очередную кучу бурелома.

– Кхар, что ты знаешь о болотных девах? Как такое возможно, что она попала в наш мир?

Перед ответом ворон немного помолчал, его слова теперь были лишены привычного раздражительного тона.

– Я слышал о чем-то похожем раньше. Думаю, ты и сама догадываешься. С началом Семилетних Охот все чаще стали происходить странные вещи. Говорят, от разрушения энергетического баланса ткань реальности рвется, и через эти прорехи в наш мир попадают такие существа, как эта болотная дева. Порожденные избытком грязных магических сил, они, по сути, бесформенные уродцы, подобны излишкам пролитого на плиту теста.

Лилит вспомнила похожие по смыслу слова Перруины. Получается, некоторые из Господ недовольны тем, что творит Мертвый Царь, видят опасность в его магических ритуалах. Но что вообще она знала о Мертвом Царе? Образ правителя был больше мифическим, окутанным кровавыми легендами о его невероятной жестокости и полученном обманом бессмертии. В сказаниях и сплетнях не осталось ни намека на его человеческую сущность, невозможно было представить смеющегося Царя на пирушке или в окружении взрос-

леющих наследников.

После встречи с царскими охотниками Лилит чувствовала, как в животе образовался упругий мышечный спазм, не позволяющий больше свободно дышать. Ей во что бы то ни стало нужно попасть на тропу мертвых и встретиться с Господином Унтаго.

Лес словно перестал их замечать, наполнился птичьим щебетом, звуками и шорохами скрытой в тени деревьев и кустарников жизни. Днем на голубом сатине неба проступали очертания лун, похожие на вышивку белых шелковых нитей, ночи не казались больше смоляными и тревожными, а будто укутывали мир в свои сумеречные одеяла.

Лилит спросила:

– Как далеко мы ушли от города, и вообще, за сколько дней и ночей можно пройти лес насквозь?

– Понимаешь, – Ворон задумчиво опустил на плечо девушки. – На этот вопрос нет ответа. В лесу слишком много троп, время и расстояние на них иногда сжимается, как пружина, порой можно попасть в место, наподобие воронки – сколько бы ты ни шел, уходишь как будто бы только дальше от цели, а если и вовсе не повезет, будешь топтаться на одном месте. Нужно иметь особое чутье, чтобы ходить здешними путями. При этом лес как будто чувствует намерения своих гостей. Жителям приграничным городов и деревень он позволяет собирать ягоды, грибы и даже охотиться, но может не пустить дальше какого-то одному ему ведомому предела.

За разговорами время прошло незаметно, и Лилит заметила просвет между деревьев. Совсем скоро они очутились в небольшой рощице. За спиной путешественников обманчиво спокойно раскинулась изумрудная сердцевина леса, а впереди виднелись белые стены Червонного города и кусочек пенистого моря.

Лилит вдохнула совершенно другой воздух с знакомым запахом соли, нагретый солнцем, и обратилась к своему пернатому спутнику:

– Кхар, спасибо, без тебя я бы точно не справилась.

– Ничего, Лилит, так было нужно. На случай, если ты когда-нибудь вернешься сюда и тебе будет нужна моя помощь, вот, возьми.

Ворон ловким движением клюва вырвал перо из груди. Лилит растерянно протянула ладонь.

Кхар объяснил:

– Как только я понадобится, сожги его, и я приду к тебе. Прощай, маленькая, бесстрашная девочка.

И ворон взмыл в ярко-голубое небо.

Лилит почувствовала ком в горле, неожиданно она поняла, как сильно успела привязаться к ворчливому Кхару, и как невыносимо снова остаться наедине с собой.

Солнце просвечивало сквозь листву, создавая неповторимый узор из игры света и тени. Травы и цветы, парные от солнца, отдавали воздуху горькие, спелые ароматы.

Лилит устроилась в траве немного отдохнуть и подумать.

Она понимала, что ей нужно обойти стороной Червонный город, чтобы отыскать деревню Семи колоколен, но в то же время не помешало бы поесть, чтобы восстановить силы, и добыть лазурной травы с глиной для ритуала. В пояском мешочке Лилит было припрятано несколько монет – должно хватить на нехитрый завтрак, но ей очень не хотелось идти в город или порт мимо царской стражи.

Кипенно-белые стены надежно укрывали строгими крыльями бурлящую жизнь Червонного города. Со стороны моря его обступал многоголосый порт, окруженный по бокам стенами пониже с огромными воротами, вечно наполненный шумными разговорами, песнями моряков, бранью, смехом, грохотом грузов, тревожным криком приморских птиц.

По соседству от портовых складов раскинулся изобильный рыбный базар с бойкими торговцами, предлагающими жирное белое мясо, янтарную и алую икру в маленьких бочонках, грузные тушки глубинной рыбы, покрытые зеркальной чешуей, глянцевые скорлупки моллюсков, темно-зеленые, подернутые каплями соленой воды стебли хрустящих водорослей и прочую аппетитную снедь. Некоторые из лавочников, пренебрегающие строгостью местных законов, могли предложить из-под полы особый контрабандный товар: русалочью кожу, искры водяных ирисов или порошок из костей утопленников.

Для нужд разношерстной портовой публики вдоль берега рассыпались трактиры, гостиницы, торговые дома, заведе-

ния для утоления разного рода плотского голода и, конечно, питьевой жажды.

Независимо от времени суток, Червонный город за стенами встречал гостей гудением улья, неповторимой мелодией голосов и звуков, в противоположность Солянному городу, живущему как бы исподтишка, по ночам, после изнуряющей работы в соляных шахтах. Червонным городом управлял совет Почтенных жителей города – собрание наиболее видных торговцев и представителей местных гильдий.

К городским стенам с восточной стороны жались разные мелкие деревеньки, среди которых затерялась искомая Лилит деревня Семи колоколен. Местные крестьяне щедро удобряли почву илом и водорослями, получая неизменно в срок изобильный урожай. Правда, деревня Семи колоколен была оставлена своими обитателями после страшного пожара несколько десятилетий назад. Самые суеверные поговаривали о настигшем селение проклятии после того, как с этих знаменитых на всю округу колоколен сбросилась юная дочь местного жреца. Выжженная дотла деревня стала ужасным напоминанием о случившемся для оставшихся в живых несчастных людей, потерявших свои дома, поэтому, собрав уцелевшее имущество, они покинули страшное место в поисках нового пристанища.

Лилит решила, что пытаться пройти в город будет слишком опасно, но на портовом рынке она могла бы раздобыть все, что ей нужно, не привлекая излишнего внимания, к то-

му же, он явно не так хорошо охранялся. Девушка поднялась с теплой, как остывающий хлеб, земли и решительно направилась в сторону виднеющейся кромки воды.

Расстояние оказалось обманчиво близким, солнце заметно припекало, становилось жарко, жажда усиливалась. Справа чуть виднелись красные крыши низких домиков одной из близлежащих деревень. Лилит старалась обойти их как можно дальше, ведь если городская жизнь своей людской теснотой и шумом позволяет одиноким путникам почувствовать себя в какой-то мере невидимыми, то стоит такому человеку нарушить мерное течение сельской жизни, к нему тут же будут обращены настороженные, любопытные взгляды местных.

Через несколько часов Лилит приблизилась к Червонному городу, соединившись с небольшим потоком идущих в сторону моря людей. Она шла в тени крепких, алебастровых стен, предвкушая кипучую жизнь порта. Стены, окружавшие порт, были ниже городских и имели не столь кипенно-белый цвет. Как Лилит и предполагала, заведев разноцветные навесы над прилавками, никакой особой охраны нигде не было видно, разве что вдоль торговых рядов периодически неспешно прохаживались стражники, не проявляя никакого интереса к прохожим.

Так беглая царская невеста оказалась в порту. Она с удовольствием съела горячую лепешку с рыбной начинкой, наполнила маленькую флягу водой и стала искать продавца

принадлежностей для ритуала последнего дня. Утренняя бойкая торговля давно закончилась, жара и влажность прогоняли торговцев в тень навесов, откуда они изредка лениво переругивались, либо отпускали громкие комментарии в ожидании конца рыночного дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.